

Автор - Александра Одрина, п. Тамала (Россия).

Шиповник

Позднелетняя картинка:
пролетает паутинка –
паутинка-августинка:
зрелый август поседел
безмятежно, акварельно...
Птиц не слышно на деревьях,
лишь цикада со свирелью
сторожит земной надел.

Луг отрос и снова скошен.
Куст шиповника роскошен,
будто девичий кокошник,
и наряжен, и хорош
в огоньках пунцовых бусин;
но шипы за так не пустят:
или колко, или пусто –
руки не убережешь!

Свежесобранный шиповник
разложу на подоконник:
долго будут пальцы помнить
каждый маленький укол,
озорную непокору,
но длиннее – память взора,
и опять влекут просторы
из далёка в далеко.

Отвезу внучатам в город
из деревни полный короб
звонких яблок, хлеба колоб
и чего-нибудь ещё,
и по-сказочному тихо
расскажу, как паутинка,
паутинка-августинка
мне спустилась на плечо.

Предзимний бухгалтер

Как будто на хлебную мякоть медовый поток,
закат перелился на землю – кончается вечер.
Витают над полем невидимый глазу Ван Гог,
наносит по капле ко времени мороси млечной

едва различимо сквозь облачный пух и перо...
А ниже, с ветвей, долгожданный полёт обретая,
осенние листья становятся вдруг на крыло,
по-птичьи хлопчут: им кажется, что улетают;

торопят друг дружку – спешит листопад-караван,
шурша о несбыточно-сладком, что ветер навеял.
Ван Гог улетаёт вдогонку – полёт рисовать,
оставив эскиз недописанной ночи на небе.

Навстречу им хочется выйти, глубинно вдохнуть,
всю соль новоявленных звёзд ощутив, прослезиться
светло и торжественно – здравствуй, весёлая грусть
прощального бала на волю летающих листьев!

Ах, ветренный праздник! Восторгам подсчёт ни к чему,
но знаю иное – предзимний бухгалтер не дремлет:
Ван Гог оплатят бессмертьем – довольно ему,
а листьям довольно полёта – отпущено время,

где каждый по ветреной воле в предзимье несом –

мелькают миры в пестроте, проносящейся мимо...
Теряют по осени кроны неверных «птенцов»,
к рукам приберёт и сочтёт их бухгалтер предзимья.

Ты & я

Ты – моё молчаливое море,
я – твои шумные берега.
Мне – твоё дыхание оберегать,
тебе – выласкивать каждый изгиб побережья,
мне – снаряжать рыбака с мережей
для поимки неугомонных летучих рыб
над твоей неоглядно-непостижимой волной,
звучать чаячьим скримом* в пенистых облаках...

Да, ты такой – непредсказуемый в первых строках:
то широк и тих, то певучий стих в каждой горсти твоих вод,
и вот уже с налёту бодаешь песок и плюёшься тиной картинно,
потом виновато накатишь в кудрявые кружева моих отмелей...

И вдруг – полный штиль – будто ты не здесь...
Надоело нежиться на мелкой воде?
Уходишь в иные, недоступные мне глубины...
Напрасно мой маячок слепо шарит лучом –
нипочём не разглядеть ему, как ты закаляешь волю упрямого Грэя...

А я берегу розовую Ассоль, умываюсь росой и учусь твоей тишине,
особенно пронзительной, когда рядом нет...
Сохну, твердею, беззвучно твердя, что страшного – ничего
в том, что ты – временно – вышел из берегов,
потому что ты – моё море.

*Скриминг, скрим (от англ. screaming) – «крик».

Конкурсная подборка 207. «Предзимний бухгалтер»;

Автор: Оргкомитет
10.04.2019 09:00

